

УДК 821.161.1 – 312.6 Мартынов.09

Драган О.А., викладач

Харківський національний економічний університет, Харків

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ КНИГ Л. МАРТЫНОВА

В статье рассматриваются интертекстуальные элементы, устанавливающие межтекстовые переключки в автобиографических произведениях Л.Мартынова, определяется их роль и функции. Внимание акцентируется на многофункциональности элементов «чужих» текстов в интертекстуальном пространстве и художественной взаимосвязи книг Л.Мартынова с другими произведениями.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекст, автобиографическая проза, «точечные» цитаты, реминисценции.

К интертексту в широком смысле принято относить любые формы «чужого» слова в тексте. Наиболее распространенной его формой является цитата. Проблема цитаты в отечественном литературоведении начала разрабатываться во второй половине XX века. Сначала на примерах творчества поэтов «серебряного века», а затем целого ряда других художников было показано, что цитата, аллюзия, любая форма литературной переключки – это не частный, второстепенный элемент текста, а указание на существенную грань авторского замысла. Цитирование стало рассматриваться как принципиально важный прием художественного смыслообразования и одновременно как апелляция к авторитетной, актуальной в глазах автора литературной традиции. Для построения литературной теории важными явились труды М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана и других ученых тартуско-московской семиотической школы, многих других ученых, которые выработали разнообразные концепции. По справедливому наблюдению Е. Козицкой, «...ни в отечественной, ни в западной науке пока не определены границы понятия “цитата”; нет единых критериев классификации цитат и их функций» [1:181].

Ю. Кристева, разрабатывая теорию интертекстуальности, утверждала, что интертекст – это не совокупность «точечных» (то есть обладающих устойчивым смыслом) цитат, а пространство схождения всевозможных цитаций. По наблюдению исследовательницы, «всякое слово (текст) есть такое пересечение других слов (текстов), где можно прочесть по меньшей мере еще одно слово (текст)» [2:98]. Н. Кузьмина определяет понятие «интертекст» как приближенный к текстовой/языковой реальности: «...интертекстом называется объективная информационная (текстовая) реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная бесконечно самогенерировать по стреле времени» [3:20]. По наблюдению Н. Кузьминой, собственно цитата понимается в широком смысле «как интертекстуальный знак с высоким энергетическим потенциалом, позволяющим ему продвигаться во времени и пространстве интертекста, накапливая культурные смыслы и тем увеличивая имплицитную энергию».[3: 99]

Элементы интертекста широко используются в автобиографической прозе Л. Мартынова и связаны с ее установкой на достоверность. Например, включение в текст чужих рассказов важно для жизнеописания, а фрагменты писем, документов, усиливают объективность и достоверность повествования о прошлом. По замечанию Н. Николиной, «...”чужие” тексты способствуют созданию как образа эпохи, которая служит предметом воспоминаний, так и образа повествователя (например, отражают его литературные вкусы и пр.)» [6: 353].

Эволюцию формирования Л. Мартынова как поэта можно проследить на примерах цитирования им как собственных текстов, так и текстов тех авторов, под влиянием которых и возникала собственно творческая самобытность Мартынова-поэта. Наиболее распространенной формой цитирования у Л. Мартынова является точная цитата – дословное произведение слов источника и автора. Реже встречаются неточные цитаты, цитаты-высказывания, цитаты-знаки (номинации, имена персонажей как знаки конкретных произведений и др.). В главах автобиографических книг Л. Мартынова это и слова, и

словосочетания, разбросанные в тексте, которые в сознании читателя ассоциируются с «образом» определенного текста. По справедливому наблюдению Т. Смирновой, «...любой текст в сознании хранится как некий “концепт” или “образ”, только очень сжатый, – это максимально уплотненное представление об этом тексте, оно индивидуально для каждого воспринимающего субъекта, но включает сюжет, основные коллизии, персонажей, некие детали и пр.» [11: 5]. Отсюда цитата-знак у Мартынова может ассоциироваться с «образом» произведения, целого творчества какого-либо писателя, всей цитируемой культуры, а также установки на цитатное творчество.

К личности В. Маяковского и к его произведениям Л. Мартынов неоднократно обращается на страницах книг. Цитаты из В. Маяковского пронизывают многие их главы, будь это «вихревая революционная действительность» 1917 г., или, позже, уже в 20-х гг. в Москве, когда при взгляде на Сухаревскую башню у поэта снова возникает образ «грандиозного, бессмертного» В. Маяковского и в памяти снова возникают его стихи. Принимая их с восторгом, Л. Мартынов ищет в книгах и журналах подобные произведения, которые затем и определяют его становление на ранних этапах творчества, из них впоследствии сложился своеобразный «футуристический мир» поэта. Цитаты, приведенные Л. Мартыновым из стихотворений В. Маяковского, наряду с реализацией идейно-тематического содержания главы и индивидуально-авторского видения проблемы революции, выполняют также и оценочную функцию.

Автор упоминает немало фамилий поэтов. Одними из первых поэтических произведений, подобных стихам В. Маяковского, явились для него стихи И. Эренбурга. В одной из немногочисленных литературно-критических статей Л. Мартынов пишет о первом впечатлении, которое произвели на него, совсем юного, двенадцатилетнего, стихотворения И. Эренбурга: «...эти печальные, необычные, без знаков препинания стихи вполне соответствовали окружающей обстановке. Шла война<...> Я уяснил одно: тот, кто был не в

силах сдержать своих слез <...> успокоился при виде запорожских казаков, пишущих ответ турецкому султану» [4(3: 81)]. Лишь позже юный поэт узнал, что это были стихи Гийома Аполлинера в переводе И. Эренбурга, вышедшие в 1912 г. в сборнике «Чтец-декламатор». Здесь оценочная функция цитаты, как одна из форм авторского присутствия в тексте, является также элементом выстраивания литературной традиции, в которую к тому времени включился и юный поэт Л. Мартынов. Наряду с этой функцией проявляется и функция предсказания, когда интертекстуальная ссылка на стихотворение И. Эренбурга содержит намек на последующие ассоциации – знакомства с творчеством других писателей, таких как А. Рембо, П. Верлен, Бодлер и др.

В. Хлебников, как и В. Маяковский, наложил отпечаток на «почерк» Л. Мартынова. От него в большей мере, чем от кого-либо другого, берет начало стремление поэта взглянуть внутрь слова, «расщепить» его, как атом, разложить его на разные смыслы, к тому же основной особенностью языка футуристов являлась иносказательность, спрятанная в словах, буквах форме и звуке. Многим русским поэтам «серебряного» века было свойственно употребление в произведениях окказионального слова, особенно это присуще В. Хлебникову (классический пример – его стихотворение «Бобэоби», дающее звуковой портрет женщины). Влияние В. Хлебникова на раннее творчество Л. Мартынова прослеживается в употреблении поэтом некоторых лексических, структурных, фонетических окказионализмов, а также окказиональных сочетаний слов. Например, в стихотворении «Эолова арфа» это «элёны» и «еропы», а в стихотворении «Иззвездь» окказионализмом выступает само заглавие. По справедливому наблюдению Р. Тюриной, в лирике Л. Мартынова лексические окказионализмы не только являются компонентами концептуальных регулятивных структур, но и сами «...индивидуально-авторские слова способны выступать в качестве лексических и словообразовательных речевых средств, организующих его познавательную деятельность» [8: 67].

О влиянии творчества В. Хлебникова Л. Мартынов говорит и на страницах автобиографических книг. В главе «Сибирские Афины» «Воздушных фрегатов» автор объясняет свою поездку в Томск в 20-х гг. так: «...и если сказать по правде, то посещение Сибирских Афин, как это ни странно, было больше всего связано с одним из произведений Велимира Хлебникова <...> Тут я предвижу обычные сомнения читателей, эти вечные “Выдумываешь, накручиваешь, беллетризуешь!” Но что поделать, если жизнь так сложна и столь полна взаимосвязей, иногда самых неожиданных и противоречивых» [4(3:278)]. После прочтения «Шамана и Венеры» В. Хлебникова писатель хотел воочию убедиться, как выглядит «хлебниковская Сибирь», откуда в его голове рождались «футуристические грезы» поэтической юности. Цитаты из «Шамана и Венеры», использованные в главе, отражают потребность поэта как-то иначе, необычно взглянуть на современность, ведь способность передать сложность, противоречивость жизни в лирике рождалась из этой новизны и глубины переживания, из предощущений будущего, счастливого завтрашнего дня.

Функцией цитат является поддержание непрерывности литературного процесса, историко-литературных связей. Цитаты выступают знаками присоединения к уже существующей традиции и художественному языку В. Хлебникова. В главе «Пучина забвенья» Л. Мартынов обращается к фигуре известного ученого, активного участника литературной жизни Сибири 20-30-х гг. Н. Трунева. Знакомство с видным педагогом состоялось вскоре после революции, когда Н. Трунев открыл свою библиотеку для широкого пользования. Эти книги брал и молодой поэт Л. Мартынов, который уже приобрел некоторую известность в литературных кругах Сибири, но был как будто бы «забыт» педагогом. И этот факт Л. Мартынов принял как урок, поняв для себя, что он был «забыт» ученым для того, чтобы впоследствии «с величайшей осторожностью, величайшим тактом говорить о всех поэтах, кто стал настолько далек, что никто не вспомнит, о чем они писали» [5: 49], либо о тех, с поэзией которых совсем не знаком. Возможно, благодаря этому уроку Л.

Мартынов не только дал главе название «Пучина забвения», взяв для заглавия часть цитаты из стихотворения Шелли «Минувшие дни», но и вывел многих авторов из этой «пучины», дав им и их трудам при этом весьма полную характеристику. Среди них – А. Вошакин, В. Пруссак, С. Третьяков, и многие другие.

Фактическую основу многих своих произведений Л. Мартынов раскрывает в автобиографической прозе. Возникновение стихотворения «И лес лилов, и снег был розов,..», напечатанного в сборнике «Футуристы» и журнале «Искусство», поэт соотносит с периодом перехода к будетлянству и футуризму. Толчком к его написанию стало стихотворение поэта эпохи гражданской войны Александра Вошакина: «Медленно, медленно тянутся обозы, за возом воз, на гулкий вокзал, где кричат паровозы» [5: 73]. Эта же тема продолжена в строках поэта Николая Калмыкова: «А обозы все тянутся, тянутся! Может быть, и тот час недалек, когда в улицах узких останутся лишь следы от колес и от ног» [5: 74]. Таким образом, Л. Мартынов совершил «переход из Прошлого в Грядущее», найдя свое место в новом, революционном мире. Здесь поэт показывает, насколько важно то, как один стихотворный образ порождает «...весьма многие и совершенно непохожие друг на дружку житейские ситуации: авторы создают стихи, а стихи – судьбу авторов!» [5: 76]. Цитаты выполняют функцию смыслопорождения и играют при этом двоякую роль: с одной стороны, функционально зависят от элементов произведения, подчиняясь авторскому замыслу, с другой стороны, пробуждают энергию стихотворений других авторов, актуализируя «чужие» смыслы. На пересечении нескольких смыслов и рождается новый.

Среди поэтов, покоривших юного Л. Мартынова, он называет и В. Пруссак. О книге стихов с названием «Деревянный крест» Л. Мартынов отзывается как о произведении с «простым, трагическим, глубоко соответствовавшим содержанию духом и смыслом» [5: 77]. В. Пруссак гимназистом был сослан в Сибирь, за двадцать лет своей жизни (1898 – 1918) он смог сделать многое: стал одним из организаторов литературной жизни

Иркутска, редактором альманаха «Иркутские вечера», где уже в предисловии чувствуется голос этого юноши, его страстное желание быть причастным к созданию нового, революционного искусства. Несомненно, одной из ступеней в творческом становлении Л. Мартынова в те годы можно считать этот манифест-предисловие: «...В стране непробужденных просторов и злых морозных туманов, где искусство живет вчерашним днем, мы, немногие, случайно спаянные вместе временем и местом, дерзаем вступать на путь действенного и гласного творчества» [5: 77]. Функцией цитат является реализация идейно-тематического содержания главы автобиографической книги. Как частная функция смыслопорождения ее роль может рассматриваться в выражении индивидуально-авторского видения проблемы создания нового революционного искусства.

Большое значение Л. Мартынов придавал чтению книг, о чем не раз размышлял на страницах своих автобиографических книг, многие главы которых насыщены явными и скрытыми цитатами из прочитанной им литературы. Отсюда одним из проявлений интертекстуальности книг Л. Мартынова можно считать использование «точечных» цитат из других произведений – имен собственных литературных героев, приобретающих обобщающий смысл.

«Точечные цитаты» – ономастические образования разного рода (реминисцентные и аллюзивные имена собственные, топонимы и др.), появляющиеся в текстах автобиографических книг Л. Мартынова, активно участвуют в создании их уникальной образной структуры. При этом «точечные» цитаты становятся знаком-интерпретантой, репрезентирующим концептуальный смысл всего произведения. Среди структурно-семантических групп интертекстом в произведениях писателя следует отметить имена собственные литературных персонажей. Многочисленные ситуации, описанные в главах автобиографических книг, проецируются на ситуации литературных произведений. Описывая и характеризуя многих людей, встретившихся автору на жизненном пути, он опирается на представления о литературных героях.

Отличительной чертой стиля писателя является создание особого типа новообразований, которые можно назвать интертекстуальными. Эти новообразования, которые мотивированы различными топонимами, а также именами исторических личностей, библейских героев, обычно носят тропеический характер, так как могут выражать сравнительно-уподобительное значение. Например, в книге «Воздушные фрегаты», в главе «Семейные предания» автор так описывает переезд бабушки из Петербурга в Казахстан: «Бабушка моя попала из питерского мира бедных людей Достоевского через аральский мир шевченковского изгнания в салтыково-щедринский мир господ ташкентцев, обитавших в городе Верном, как тогда именовалась будущая Алма-Ата» [4(3: 19)]. Здесь элементы интертекста выполняют функцию образной характеристики отдельных описываемых событий поездки, трудностей, возникших при переезде и условий тогдашнего уклада жизни, быта и нравов, а также прослеживается и семантическая трансформация, связанная с появлением новых, неожиданных значений у слов с топонимическими наименованиями.

Другой отличительной чертой его стиля является употребление в составе тропов имен литературных персонажей, восходящих к текстам-источникам, которые используются как сравнения, метафоры и пр. Особенно часто встречаются именно сравнения, устанавливающие межтекстовые связи с произведениями русской и зарубежной литературы. Так, повествуя в главе «Дуэльный кодекс» о встрече с сыном лавочника – Костей, автор называет его «павлодарским Митрофанушкой», подчеркивая тем самым черты характера, присущие ему, – грубость, безделие, инфантильность. При характеристике образа Андруса Вальса – хозяина дома, где семья Мартыновых жила в годы юности писателя, автор говорит: «...он похож не на джек-лондоновского Волка Ларсена или на какого-нибудь другого капитана среди дико бушующей, бунтующей команды. Нет! Но он ни дать ни взять Гулливер среди лилипутов, или гигантский лилипут среди нас, маленьких гулливеров!» [4(3:43)], упоминая при этом как образ Вулфа Ларсена из книги Дж. Лондона «Морской волк», так

и Образ Гулливера из сатирической книги Дж. Свифта «Гулливер в стране лилипутов». Здесь экспрессивная функция позволяет раскрыть характерологические особенности образа Вальса, указав на черты внешности, определяющие его образ. Петр Драверт, профессор минералогии и поэт, представлен у Л. Мартынова как «имевший обличье и повадки Доктора Фауста». Очевидно, что не только черты внешности, но и жажда знаний, поиски смысла и цели в жизни дали основания для сравнения такого рода. По мнению автора книги, именно эта активность и тяготение к познанию тайн природы отражали в целом и умственное движение духовного развития общества начала XX века.

В пародийной функции выступает фразеологический оборот «игра в Эраста Чайникова», являющийся своеобразной модификацией литературной маски Козьмы Пруткова, где группа омских поэтов-футуристов при помощи сатирических стихов и афоризмов высмеивали умственный застой, пародируя литературное эпигонство.

Многочисленны «точечные» цитаты – исторические реминисценции. В главе «Екатерининский завод» образ Е. Пугачева представляется автору так: «...и, к известным мне картинкам из томика Пушкина прибавился лохматый лесной мужик-пугач, вдруг вытеснивший из моего воображения всех известных мне героев Жюль Верна, Эдгара По, Конан Дойля, не говоря уже о пятикопеечных шерлокаххолмсах, натанакпинкертонах и никах картерах» [4(3:59)]. Здесь функция имен собственных литературных героев обобщает историческое прошлое и выделяет среди известных автору литературных героев образ Пугачева. Позже, цитируя в этой главе стихотворение, так и не напечатанное при жизни автора, Л. Мартынов придает абстрактное понятие «духу пугачевщины», ассоциируя его с «духом революции», впечатлившей юного тогда поэта написание стихов. Этот «дух пугачевщины» со временем становится образным понятием и в поэзии, и в прозе Л. Мартынова, выражая тем самым дух бунта, сопротивления уходящему строю жизни, и дающему новые веяния приходящей эре равноправия и справедливости. Наряду с

характерологической, многие исторические реминисценции выполняют и оценочную функцию. При характеристике образа Трунева, учителя словесности, автор использует эпитет «сократообразен», придавая ироническую экспрессию и создавая новый смысл их портретному сходству.

Семантика имени собственного Арина Родионовна преобразуется и расширяется, при этом метафора, основанная на «точечной» цитате, включает элементы культурного кода пушкинской эпохи и служит в тексте для актуализации иных смыслов: «...как же поэтам без нянь, Без Арин Родионовен, разве это можно!» [5: 47]. Цитата выполняет коммуникативно-активизирующую функцию, раскрывая и дополняя смысл образной характеристики няни как символа российской провинции в революционное время начала XX века.

Детский сад фрау Бракш, который юный Мартынов покинул раньше положенного срока, поэт называет «Фребелевский Эдем», где семантика названий «фребелевский» (в дореволюционной России – объединения деятелей дошкольного воспитания) и «Эдем» преобразуются и расширяются, обобщая историко-культурные и библейские ситуации. Преобразованная цитата связана с усилением обобщенности передаваемого смысла, изменением характера оценок и выступает в пародийной функции, через этот неологизм получая иронически сниженную оценку.

Цитаты и реминисценции выполняют важную для прозы Л. Мартынова функцию типизации, усиливают типичность образов или описанных явлений. Так, в главе «Всеволод Иванов» автор рассказывает о приезде поэта в Омск, где был устроен диспут на тему футуризма, в котором участвовал Давид Бурлюк. Авторская оценка события выражается при помощи образных параллелей и представлений, при этом используются библейские образы: «...и тогда, еще совсем мальчишкой, я был восхищен этой схваткой, где Давид с Голиафом поменялись ролями [5: 108]. Употребление автором в тексте «точечных» цитат и реминисценций, дающих оценку творческим и историческим личностям, позволяют сделать вывод о том, что оценки прошлого и настоящего историко-

культурного процесса отражают поиски поэта в ходе переосмысления фактов истории, литературы, жизни народа.

Главы автобиографических книг Л. Мартынова пронизаны цитатами из других текстов, реминисценциями и аллюзиями, «точечными» цитатами, устанавливающими межтекстовые переключки в его произведениях, которые заметно выделяются в автобиографической прозе XX века по количеству и степени плотности в тексте цитат. Разнообразны и источники «чужих» текстов, к которым обращается Мартынов. Это и фольклор, и мифология, и произведения русской и мировой литературы XIX-XX вв.

Элементы «чужих» текстов у писателя многофункциональны. Точные цитаты чаще всего выражают авторские оценки, выполняя эмоционально-оценочную и экспрессивную функцию.

Образы, связанные с «чужими» текстами, порождают в произведениях Л. Мартынова новые смыслы, выражая одновременно лирическую или ироническую экспрессию разных типов в их взаимодействии. Совмещение разных интертекстуальных элементов делает повествование в автобиографических книгах Л. Мартынова более объемным, «стереоскопичным»

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Козицкая Е. А. Цитата, «чужое» слово, интертекст: материалы к библиографии // Е. А. Козицкая. Литературный текст: проблемы и методы исследования. «Свое» и «чужое» слово в художественном тексте. Сб. науч. трудов. Выпуск 5. — Тверь: Изд-во ТвГУ, 1999. — 224 с.
2. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 9. — 1995. — №1. — С. 98-99.
3. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка: Монография. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ; Омск: Изд-во ОмГУ, 1999. — 268 с.
4. Мартынов Л.Н. Собрание сочинений в 3 т. — М.: Художественная литература, 1977. Т.3. Проза. — 414 с.

5. Мартынов Л.Н. Черты сходства: новеллы. – М.: Современник, 1982. – 224 с.
6. Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы: Уч. Пособие. – М: Флинта: Наука, 2002. – 424с.
7. Смирнова Т. А. Типология и функции цитаты в художественном тексте: автореф. дисс. на соискание учен.степени канд. филол. наук: Специальность: 10.01.08 – «Теория литературы». «Текстология» – М.: 2005.– 45с.
8. Тюрина Р. Я. Тюрина Р. Я. Окказиональное слово как компонент концептуальных регулятивных структур поэтического текста (на материале лирики Л. Мартынова) / Руслана Яковлевна Тюрина // Художественный текст и языковая личность: Материалы III Всероссийской научной конференции. – Томск: издательство ТГПУ, 2003. – С.61-68

У статті розглядаються інтертекстуальні елементи, що встановлюють міжтекстові переключки в автобіографічних творах Л.Мартынова, визначається їх роль і функції. Увага акцентується на багатофункціональності елементів «чужих» текстів в інтертекстуальному просторі і художні взаємозв'язки між текстами книг Л.Мартынова та іншими творами.

Ключові слова: інтертекстуальність, інтертекст, автобіографічна проза, «точкові» цитати, ремінісценції

The article deals with intertextual elements that establish intertextual roll-calls in L.Martynov's autobiographical works, their role and functions are determined. Attention is focused on the multifunctionality of elements of "foreign" texts in the intertextual space and the artistic interconnection of L.Martynov's books with other works.

Key words: intertextuality, intertext, autobiographical prose, "point" quotations, reminiscences.